

Латышева В.А.
СУДЬБЫ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

События Второй мировой войны вызвали появление относительно широкого круга работ отечественных психиатров, неврологов, военных врачей посвящённых психическому состоянию военнослужащих в условиях военной жизни. Уже в 1943 году вышла публикация известного исследователя и практикующего врача В.П. Осипова, посвящённая проблеме психических расстройств среди красноармейцев [5]. Особое внимание профессиональной послевоенной аудитории привлекла деятельность психоневрологического госпиталя 3466 на протяжении военного времени [6]. В 1946 году доктор И.Ф. Случевский обратил внимание на те особенности, которые приобретают психические заболевания и расстройства в условиях войны [10]. Тема, поднятая им, была продолжена коллегой И.Ф. Случевского, доктором С.Н. Давиденковым [3].

По ряду причин на протяжении значительного количества лет в работах отечественных историков, посвящённых Великой Отечественной войне, проблема психического состояния красноармейцев не освещалась. Однако источники указывают на то, что процент таких заболеваний был довольно высоким. Подтверждением этой уверенности может являться принятие ряда соответствующих решений советской власти начиная с 1944 года.

Известно, что, несмотря на тяжёлые социально-экономические условия, уже в октябре 1944 вышло постановление № 701 Совета народных комиссаров Белорусской ССР «Об утверждении решения № 44 Исполкома Минского Областного Совета депутатов трудящихся от 8 августа 1944 года» [1, л. 81]. Его целью была реконструкция системы психиатрической помощи на базе действующей в довоенное время трудовой колонии в Новинках, в пригороде Минска. Большинство из пациентов-мужчин здесь были бывшие красноармейцы. О факте необходимости расширения границ и форм такой помощи свидетельствуют и годовые отчеты психиатрических больниц Наркомздрава СССР за 1944 год. В них было отмечено значительное увеличение числа «больных из демобилизованных инвалидов Отечественной войны в связи с психическими заболеваниями у них, а также у военнослужащих» [2, л. 57].

Сегодня справедливо востребованными являются работы, отражающие различные стороны проблемы человека на войне. Оправданным видится обращение и к теме психического состояния красноармейцев, а тем более тех из них, кто, попав в немецкий плен, оказался в нечеловеческих условиях. Судьбы последних оказались незаслуженно забытыми. Частично сведения о них сохранились в материалах советских подпольных и партизанских организаций, собиравших информацию о положении на оккупированной территории, оккупационной и советской подпольной прессе, опубликованных и неопубликованных воспоминания очевидцев, дневниковых записях военных лет, докладах немецкого командования и местной оккупационной администрации, в материалах судебных процессов над нацистскими преступниками, отчётах Наркомздрава СССР и БССР. В первую очередь перечисленные источники позволяют исследователю обратиться к условиям содержания военнопленных из числа красноармейцев в плену на оккупированной территории Беларуси, обстановке, вызывающей расстройства их психики, характеру истребления этой наиболее уязвимой социальной группы, к чему и будет привлечено внимание в рамках предлагаемого материала.

Уже в первые месяцы войны десятки тысяч красноармейцев попали в немецкий плен и были отправлены в специальные лагеря. Однако непредвиденное для самих немцев увеличение количества пленных из числа красноармейцев побуждало оккупантов создавать лагеря наспех, заботясь лишь о необходимом, с их точки зрения, режиме. Положение в лагерях для военнопленных было нестерпимо тяжёлым и беспросветным. Ещё 10 июля 1941 года министеральный советник Дорш докладывал рейхслейтеру Розенбергу: «Военнопленные, проблема питания которых едва ли разрешима, живут по 6-8 дней без пищи. Их состояние – это животная апатия» [9, с. 19]. Скудное питание из продуктовых отходов, проживание под открытым небом, непосильная работа, постоянные издевательства и избиения оставляли кровавый след.

С 15 по 29 января 1946 года в Минске состоялся судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР. На одном из заседаний свидетель П. М. Богдан, характеризуя бобруйский лагерь № 131, дал однозначную оценку созданному там режиму: «Его не могло выдержать ни одно животное» [11, с. 362]. Лагерь возглав-

лял капитан немецкой армии Лангут. На лагерной территории он отвёл площадку для 12 тыс. людей. Там ночью военнопленные были вынуждены находиться почти по колено в воде. В это время, к их несчастью, часто шли дожди. Спасти от таких условий они могли только днем, когда были заняты на тяжёлой работе.

В декабре 1941 года из Барановичского лагеря в Бобруйск пришло 17 вагонов с пленными, которых насчитывалось более одной тысячей человек. Они не ели 7 дней, ехали на открытых платформах. Почти половину из них привезли мертвыми, остальные были похожи на тени. По приказу Лангута эти вагоны загнали в тупик, и двое суток держал там живых людей вперемешку с умершими. После отправки вагонов на месте, где они стояли, оказалось целое кладбище.

Кандидат медицинских наук Л.А. Анатасян проработал 20 месяцев в лагерных лазаретах в Юхнове, Рославле, Кричеве и Бобруйске. В своём дневнике он отмечал: «Так называемая пища состояла из $\frac{1}{2}$ литра отвратительной мучной похлебки с отрубями, без соли, выдавалась один раз в день. Хлеб в количестве 200 граммов – один раз в 2-3 дня. Воды не давали вовсе. Пленные помещались в непригодных для жилья и неотапливаемых бараках. В каждом из них находилось до 2000 человек. Теснота была настолько невероятной, что люди могли поместиться там только стоя. Не только лечь, но даже сесть на загаженный земляной пол не представлялось возможным без риска быть задушенным» [4, л. 11–12].

В таких условиях не случайными были факты умственного помешательства. Всё тот же Л.А. Анатасян писал: „Не удивительно, если кто-либо из военнопленных, доведённый голодом, холодом и физическим утомлением до психоза, действительно вырезал у трупа кусок мяса. Невозможного ничего в этом нет. Позднее, в Бобруйске я узнал, что и здесь в первой $\frac{1}{2}$ ноября 1941 года были обвинены в людоедстве двое пленных красноармейцев. Один из них был узбек, а другой русский. В сумке у них нашли кусок печени, якобы человеческой. Оба обвиняемых находились в лазарете. Расстрел их был произведён в присутствии всего медицинского состава лазарета» [4, л. 10].

В условиях обречённости на непосильный труд и невыносимое содержание многие доходили до состояния отчаяния и кончали жизнь самоубийством, либо провоцировали расстрел, как наиболее «приемлемое» и верное средство избавления от невыносимых мучений. Некоторые из больных бросались на проволоку, чтобы покончить с жизнью. Часто обезумевшие люди имитировали атаку, кричали «ура!». Их больное сознание подсказывало, что таким образом они смогут уйти из лагеря. И оно их не обманывало: душевнобольных тут же пристреливали конвоиры. В упомянутом выше лагерь № 131 (г. Бобруйск) суициды очень быстро приобрели массовый характер. Изболевшиеся и изголодавшиеся пленные не выдерживали этого ада и по 2–3 человека заходили в запретную зону в надежде быть расстрелянными [11, с. 20].

Лагерь были не единственным местом, где от нечеловеческих условий красноармейцы сходили с ума. В мае 1942 года в Бельничском районе Могилёвской области немецкими солдатами был задержан некий капитан Б. На момент задержания ему было 28 лет. Б. поместили в местную тюрьму и жестоко избивали. Постоянно подвергаемый побоям боец-десантник, по словам очевидцев «был доведён до психического расстройства». Больной не получал никакой помощи. Его вообще оставили без всякого внимания. Вспомнили о нём только в ноябре 1943 года, когда проводили специальные операции по зачистке мест преступления – уничтожению мест массового захоронения жителей района. Для этой цели и были использованы заключённые упомянутой тюрьмы. После выполнения ими такой работы, они, в том числе и душевнобольной капитан, были помещены в «душегубку». Через сорок минут её работы их обезображенные тела были сожжены [9, с. 147–148].

Как показывала практика, даже покинув лагерь, военнопленные не переставали быть заложниками тех ужасов, которые им пришлось испытать. П. Ф. С. бежал из плена и добрался до г. Полоцка. Там он стал активным участником антифашистской подпольной организации, которая действовала на станции Громы с осени 1941 года. Однако весной 1942 года организация была раскрыта. В апреле этого года почти все её участники были схвачены. Психика П. Ф. С. не выдержала. Помня ужасы лагерного существования, не вынеся пыток, он покончил с собой в камере полоцкой тюрьмы [8, с. 2].

В места принудительного содержания попадали и пленные с уже имеющимися расстройствами психики. Эта категория больных была обречена на более скорую смерть. На помощь немецких врачей им рассчитывать не приходилось. Администрация отказывала им в какой бы

то ни было медицинской помощи. Нацистов интересовало «лишь здоровое в расовом и физическом отношении» население. Если содержание больных было невыгодно с этой точки зрения, оно подлежало ликвидации.

«Эlegantное» решение проблемы душевнобольных и инвалидов из числа военнопленных нашли в апреле 1942 немецкие врачи из Шталага 352 (Масюковщина, Минск). «Ампутированных, слепых на оба глаза, парализованных, с ранением мозга, психически больных, туберкулезных в последней стадии болезни, истощенных и с неизлечимыми хроническими заболеваниями» было решено отправить в специальный лагерь в Глубокое. Предварительно душевнобольных надлежало «основательно проверять, во избежание симуляции» [4, л. 30–31]. Врачи надеялись, что таким образом им удастся избавиться от «проблемы» содержания больных людей, когда они все вымрут, например от туберкулеза. Действительно, такой лагерь был создан и функционировал рядом с м. Глубокое Витебской области. Им оказался впоследствии печально известный лагерь «Березвечье».

Условия пребывания в этом лагере можно оценить по воспоминаниям В. К. [7, с. 197]. У него не было правой руки, что обусловило ему возможность после ряда усилий выбраться из лагеря в Салалспилсе и попасть в «заветное» место. Позже мужчина вспоминал, что когда их привезли в Березвечье, то оказалось, что и там были те же условия, обрекавшие пленных на голодную смерть. Лагерь находился на территории бывшего монастыря, в комплекс которого входили монастырские постройки, кельи, школа для монахов и конюшни. Последние были оборудованы двухъярусными нарами и отданы под помещения для военнопленных.

Самым большим плюсом Березвечья была возможность для военнопленных посещать баню и получать по 100 граммов хлеба утром и в обед. Если первое преимущество давало возможность избавиться от многочисленных вшей, то второе никак не спасало от неминуемой смерти.

Пополнение лагеря военнопленными-инвалидами происходило приблизительно один раз в месяц. Это вызывало резкое переполнение конюшен. Однако тесное соседство длилось две-три ночи. Смерть быстро уносила жизни ослабленных голодом инвалидов. Оставшиеся доходили до крайней меры отчаяния. Они вместе с собой на ночь клали ослабевших товарищей, ожидая их скорого ухода из жизни. Цель такого близкого «соседства» была одна – снять с трупов одежду и каким-то образом обменять её на еду. Проведя такую «операцию», обезумевшие люди начинали думать о новой «охоте».

Созданные в лагере условия преследовали лишь одну цель – умерщвление наиболее дешёвым способом. И это достигалось путём отказа больным в необходимом медицинском обслуживании, организации скудного и отвратительного по рациону двухразового питания и прочим. Всё эти черты были характерными практически для любого из созданных нацистами мест содержания военнопленных. Но именно в Березвечье планировалась массовая отправка туберкулезных красноармейцев. Посредством их нахождения в лагере открывалась возможность ускорения и увеличения масштабов случаев смертности людей, как с физическими, так и психическими ограниченными возможностями.

Сегодня трудно говорить о количестве подобных жертв из числа советских военнопленных, которые размещались на оккупированной территории Беларуси. Несомненным остаётся возрастание объёма наших знаний о подобных случаях. Изложенные выше факты позволяют говорить о прямом уничтожении рассматриваемой целевой группы. Кроме того, представленный материал позволяет обратить внимание на факты их косвенного уничтожения – отсутствие и не оказание так необходимой для них медицинской и другой помощи.

Возможности реконструкции жизни и судеб душевнобольных красноармейцев из среды пленных во время войны заключаются в обилии однотипных примеров для их обобщения. Проблема требует своего дальнейшего рассмотрения. В научной актуализации, выявления социальной значимости нуждается ряд вопросы, которые поднимает данная тема. Выполнение подобного рода задач требует привлечения и более широкого круга источников, что считаем вполне выполнимой задачей.

Литература

1. Государственный архив Минской области. – Фонд 2. – Оп. 2. – Д. 4.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 8009. – Оп. 5. – Д. 242.
3. Давиденков, С.Н. Нервные болезни (особенности возникновения, течения, предупреждения и лечения во время войны) / С.Н. Давиденков // Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Москва, 1949. – Т. 26. – С. 1–38.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 750. – Оп. 1. – Д. 135.

5. Осипов, В.П. Основы распознавания психозов и психотических состояний в практике военного врача / В.П. Осипов. – Ташкент, 1943. – 24 с.
6. Павловский, И.С. Анализ психиатрического материала фронтового психоневрологического госпиталя 3466 за период Великой Отечественной войны / И.С. Павловский // Психиатрия и невропатология в Великой Отечественной войне. – Москва, 1945. – С. 106–119.
7. Памяць. Гіст.-дакум. хроніка Глыбоцкага раёна / гал. рэд. Б.І. Сачанка [і інш.]; маст. А.М. Хількевіч. – Мінск: БелЭн., 1995. – 454 с.
8. Патриоты Полотчины // Знамя юности. – 1967. – № 237. – С. 2.
9. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии: 1941–1944 гг. – Минск: Госиздат, 1965. – 464 с.
10. Случевский, И.Ф. О некоторых наблюдениях над течением душевных заболеваний во время Отечественной войны / И.Ф. Случевский // Проблемы психиатрии и невропатологии. – Уфа, 1946. – Вып. 6. – С.18–40.
11. Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР и Нюрнбергский процесс. – Ленинград: 4-я типография, 1946. – 471 с.